

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА

М. Хармат

Изучение литературы XVIII века — приблизительно до середины нашего столетия — занимало в русском и советском литературоведении менее важное место, чем изучение литературы более ранних или более поздних эпох. Отношение русских литературоведов к литературе XVIII века как к литературе второстепенной начинается уже с Белинского. Он и его современники были настолько заняты политической, идеологической и эстетической борьбой своего времени, что они не давали объективной оценки прошлому, особенно не очень далекому прошлому¹. Белинский высоко ценил демократическую и республиканскую античность; французский классицизм он считал лишь формальным подражанием античной литературе, русский же классицизм, отождествляемый им с русской литературой XVIII века, представлялся ему "привозным растением", не имевшим органической связи с другими литературными явлениями русской жизни. Это выразилось в частности в самом термине "псевдоклассицизм" ("ложноклассицизм"), и русская литература XVIII века долгое время рассматривалась в пределах этого схематического представления.

Буржуазные литературоведы конца XIX — начала XX веков собрали богатый материал для изучения русской литературы XVIII века (напр. работы А.Н. Пыпина, С.А. Венгерова, А.Н. и Ю.А. Веселовских, В.В. Сиповского и др.), но вследствие известных историко-политических причин разработка их исследований на основе марксизма началась только со второй половины 30-х годов. В 1934 году, когда заниматься литературой прошлых столетий уже не считалось формой уклонения от решения задач советской литературной критики, при Институте русской литературы была организована группа по изучению литературы XVIII в. Руководителями и

¹ Szóke György — T. Halász-Mária, A XVIII. század orosz irodalma az újabb szovjet irodalomtörténeti kutatások tükrében. Irodalomtörténeti Közlemények (ItK), 1969, 2/3.

самыми выдающимися представителями этой группы были Г.А. Гуковский и П.Н. Берков². Во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы многостороннее и фактическое исследование литературы XVIII века временно прекратилось. Авторы 40–50 годов, как нам кажется, только повторяют определенные взгляды Г.А. Гуковского. Все, что в суждениях Г.А. Гуковского появляется как необходимая тенденция, в этих многочисленных схематических вариантах становятся догмой. Г.А. Гуковский своими трудами, написанными в 30 годы, положил начало новой эпохе в изучении русской литературы XVIII века. Гуковский, с одной стороны, должен был опровергнуть распространенное, слишком одностороннее мнение литературоведов дореволюционного периода, заключавшееся в том, что мировая слава русской литературы XIX века коренится в произведениях Карамзина–европейца, и, с другой стороны, подчеркивая огромную роль Радищева и русского Просвещения в развитии революционной мысли в России, выступить против тех теоретиков молодой советской культуры, которые смотрели на традиции прошлого лишь как на тягостное наследство, которое, по их мнению, подлежало уничтожению. В результате этой "борьбы на два фронта" Г.А. Гуковский часто преувеличивает идейные и художественные заслуги демократического лагеря и Радищева, резко противопоставляя им Карамзина и других так наз. дворянских сентименталистов. При этом, однако, Г.А. Гуковский, анализируя конкретные произведения сентименталистов, глубоко понимает и объективно оценивает их художественные достоинства. Он приходит к выводу, что "Державин, Радищев, Фонвизин, Крылов и даже Карамзин... все они внесли свою долю при построении Пушкиным системы реалистического мировоззрения в искусстве, ... и в проблемах созидания языка и стиха, и в проблемах... социального мышления вообще"³. Но критики 50–ых годов не восприняли от Г.А. Гуковского ни тонкого разбора деталей, ни синтезирующего подхода к творческому на-

² Проблемы историографии русской литературы XVIII века подробно излагаются в книге П.Н. Беркова "Введение в изучение истории русской литературы XVIII века", Часть I, Л., 1964.

³ Г.А. Гуковский, Очерки русской литературы XVIII века, Л., 1938, стр. 313–314.

следию писателей и поэтов XVIII века. Только поляризация, не полностью соответствующая фактам, но объяснимая и понятная в концепции Гукковского, получает у них окончательное оформление.

Так, например, по мнению Л.И. Тимофеева, в русской литературе последних десятилетий XVIII века друг с другом борются представители двух течений: "консервативные сентименталисты" и "прогрессивные реалисты".⁴ А.Н. Соколов различает две основные линии в развитии русской литературы рассматриваемого периода: "русское просветительство" и "дворянский сентиментализм". Обе линии, по его мнению, были направлены против "дворянского классицизма".⁵ В статье Г.П. Макогоненко, вышедшей в свет в 1960 году, также высказывается подобное мнение о литературном развитии 80-ых годов: "Все предвещало расцвет просветительской литературы, новые успехи складывающегося в России реализма". Но "естественный ход развития передовой литературы был насильственно оборван..." именно тем, что наступил период господства дворянского сентиментализма.⁶

В этих и других работах такое разделение оказывается слишком "жестким", в некоторых случаях даже ошибочным (оно осуществляется с точки зрения разных принципов), что мешает понять сущность и истинный ход развития русской литературы XVIII века вообще и особенно литературы последней трети столетия. Авторы указанных и подобных концепций не делают различия между идеологией и литературными стилями эпохи. Они не обращают должного внимания на то, что просветительская идеология, воздействие которой является отличительной чертой русской литературы всего XVIII века, может выражаться и выражается с помощью элементов классицизма (напр., в сатирах Кантемира, в одах Ломоносова, в комедиях Фонвизина и др.), сентиментализма (напр., в произведениях Карамзина, Радищева, Николая Смирнова) и с помощью элементов реализма (напр., в творчестве Фонвизина, Радищева, Новикова, Крылова и др.).

⁴ Л.И. Тимофеев, Основы теории литературы, изд. 4, М., 1971, стр. 413-414.

⁵ А.Н. Соколов, Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века, М., 1955, стр. 254-255.

⁶ Г.П. Макогоненко, Были ли карамзинский период в истории русской литературы? "Русская литература", 1960, № 4, стр. 4.

Проблема осложняется тем, что литературоведы 50-ых годов дают оценку явлениям XVIII века с точки зрения своего мировоззрения и на основе проблем и задач своего времени, не считаясь с возможностями и фактами той эпохи. Радищев, со своим требованием народной революции, им более близок, чем другие писатели XVIII века, поэтому они оценивают, напр. Карамзина, с точки зрения своего понимания Радищева, а не с точки зрения тогдашней русской действительности. Они исключают Карамзина как "реакционера" из лагеря просветителей, забывая о том, что именно он выступил во имя разума и справедливости за страдавших в тюрьмах и в ссылках прогрессивных мыслителей (ода "К милости", 1792), и не принимая во внимание статей Карамзина в "Вестнике Европы", освещающих республиканские темы полностью в духе просветительской идеологии ⁷. Этому не противоречит, конечно, отрицательное отношение Карамзина к кровавым событиям французской революции, как вообще ко всяким насильственным выступлениям человека против человека. В этом отношении Карамзин, однако, отнюдь не стоит особняком среди русских просветителей. Для самого Радищева образцом является не французская революция ⁸ и не пугачевское восстание ⁹.

⁷ См. П. А. Орлов, Республиканская тема в журнале Карамзина "Вестник Европы", ИДВШ, ФН, 1969, № 3.

⁸ "Но дивись несообразности разума человеческого. Ныне, когда во Франции все твердят о вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможного, цензура во Франции не уничтожена... Мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступающая самодержавно, как доселе их государь, насильственно взяли печатную книгу и сочинителя оной отдали под суд за то, что дерзнул писать против народного собрания... О Франция! Ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей" (А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, Гл. "Торжок", М.-Л., 1961, стр. 120.)

⁹ "В бывшее пугачевское возмущение, когда все служители вооружились на своих господ, некакие крестьяне... связав своего господина, везли его на неизбежную казнь... Глухие крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! Но почто не поведали вы сего законным судиям вашим?... Но крестьянин в законе мертв... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет". (Там же, Гл. "Едрово", стр. 79).

Исходя из того факта, что Карамзин—"реакционер" был сентименталистом, некоторые литературоведы пришли к выводу, что Радищев—"революционер" не мог иметь ничего общего с сентиментализмом, или же писали о сентиментализме Радищева как о своего рода грехе, который можно извинить. А русский просветитель и сентименталист Николай Смирнов (Даурец Номохон), происходивший из крепостных крестьян и много страдавший от феодального произвола, совсем не укладывался в шаблоны. О нем молчали.

Изучая проблемы развития русского реализма, вышеназванные критики не считались и с тем фактом, хотя Гукковский не раз подчеркивал это, что русская реалистическая литература XIX века опиралась не только на сатирическую критику действительности у Фонвизина, Новикова и Радищева, но и на тонкие психологические наблюдения и их точное языковое оформление у сентименталистов.

С конца 50-х годов, в полном соответствии с политическими, культурными и другими изменениями в СССР, начался новый период в изучении русской литературы XVIII века: догматизм постепенно заменялся требованием фактичности в анализе литературных произведений и в раскрытии литературных процессов. Начались дискуссии по вопросам литературы. В 1959 году в Ленинграде состоялась конференция, центральной проблемой которой явился вопрос о взаимосвязи просветительства и русской литературы XVIII века, а именно — хронологические границы, содержание и возможности художественной передачи идей русского просветительства и Просвещения. Споры, конечно, не решили вопросы окончательно (некоторые проблемы не решены и до наших дней). Их значение заключается в том, что — наряду с раскрытием все новых и новых фактов — они выяснили основную разницу в концепциях, в содержании отдельных важных терминов.

Начиная с этого времени, одна группа литературоведов придерживается того мнения (разделяемого и нами), что просветительство — это идеология определенной эпохи, находящая свое выражение в литературных произведениях посредством различных стилей: классицизма, сентиментализма, реализма, и вследствие своеобразного развития русской литературы, — посредством элементов Ренес-

санса и барокко. Романтизм оказывается также не полным отрицанием Просвещения, как раньше считали, а скорее продолжением его, но уже в рамках новой эпохи ¹⁰.

По мнению других литературоведов, просветительская идеология создает свой стиль, который они называют "просветительством", или чаще "просветительским реализмом". Вопрос о просветительстве как о самостоятельном литературном стиле по отношению к русской литературе, был поднят в 1958 г. немецким профессором Э. Винтером ¹¹, предложившим поместить его между барокко и романтизмом ¹².

В 1959 году, на вышеупомянутой ленинградской конференции в концепции Ю.М. Лотмана "просветительство" как литературный стиль заняло свое место между классицизмом и романтизмом ¹³, а Г.П. Макогоненко называл его "просветительским реализмом", параллельно с которым он признавал и существование сентиментализма ¹⁴.

В 1966-67 гг. в номерах журнала "Филологические науки" ^{НДВШ} споры шли уже не о существовании просветительского реализма, а о его характерных чертах ¹⁵. В книге "Развитие реализма в русской литературе" ¹⁶ Н. Степанов убедительно доказывает, что просветительская идеология находит свое отражение в разных литературных

¹⁰ А. Дмитриев, Романтизм и Просвещение - борьба или взаимодействие? "Вопросы литературы", 1972, № 10. Sötér István, Az ember és műve, Вр., 1971, 121.

¹¹ См. П.Н. Берков, Основные вопросы изучения русского просветительства. Сб. "Проблемы русского Просвещения в литературе 18 века", М.-Л., 1961, стр. 24.

¹² E.W. Winter, Die Aufklärung in der Literaturgeschichte der slawischen Völker. Сб. "Славянская филология", III, М.-Л., 1958, стр. 291.

¹³ Ю.М. Лотман, Просветительство и реализм. Сб. "Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века", М.-Л., 1961, стр. 159.

¹⁴ Г.П. Макогоненко, К истории русского Просвещения и реализма XVIII века. Указанный сборник, стр. 173-189.

¹⁵ НДВШ, "Филологические науки", 1966, № 2, 1967, № 3, № 4.

¹⁶ Развитие реализма в русской литературе. т. I, М., 1972., Гл. "Просветительский реализм".

стилях: в классицизме, сентиментализме, и даже в романтизме, но в самой концентрированной форме — и это является спорным моментом в его концепции — в просветительском реализме как в самостоятельном литературном стиле. Н. Степанов перечисляет "отличительные признаки" просветительского реализма¹⁷, но именно они заставляют нас сомневаться в самостоятельности этого стиля, ибо среди них нет ни одного признака, который не был бы присущ и другим стилям: или реализму вообще (напр., изображение действительности в ее конкретной данности, в ее социальном качестве, объяснение действий и поступков человека непосредственным влиянием среды), или классицизму (напр., показ характеров в их односторонней, одноплановой данности, неизменность характеров, дидактизм автора, сатирическое изображение действительности, рациональное построение самой разнообразной структуры), сентиментализму (напр., моральный критерий общественных явлений, простейшие формы сюжетной организации в прозаических жанрах: очерк, анекдот, авантюрно-нравоописательный роман; наиболее распространенная жанровая форма: роман воспитания или "путешествие", имевшее ту же воспитательную функцию).

Все перечисленные Н. Степановым признаки (вместе со многими другими свойствами) характерны не для одного стиля, просветительского реализма, а для литературы целой эпохи, для просветительской литературы.

Определение русского просветительства как идеологического течения, проблемы его периодизации, объяснение Просвещения как одного определенного этапа просветительства были до сих пор наиболее ярко представлены в вступительном докладе П.Н. Беркова на ленинградской конференции 1959 года¹⁸. П.Н. Берков определил и литературные стили, посредством которых идеи просветительства отражаются в литературе отдельных этапов. В концепции Беркова,

¹⁷ См. там же, стр. 67-68.

¹⁸ П.Н. Берков, Основные вопросы изучения русского просветительства. Сб. "Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века", М.-Л., 1961.

в целом весьма убедительной, встречаются два на наш взгляд — спорных момента: во-первых, вопрос о хронологических гранях русского просветительства, во-вторых, вопрос о классицизме в русской литературе.

I) По аналогии с французской революцией, которая явилась естественной и закономерной границей для французского Просвещения, Берков считает книгу Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" таким же диалектическим "снятием" русского Просвещения 60—80 годов (четвертый, последний этап русского просветительства по концепции Беркова). "Тем самым — пишет Берков — просветительство переставало существовать как просветительство и перерастало в революционный демократизм"¹⁹.

С такой точкой зрения мы не можем согласиться потому, что революционная практика во Франции в радикальной форме наносила удар Просвещению и просветительской идеологии вообще. В России, однако, такой практики не было. В эпоху подавления крестьянского восстания Пугачева даже теоретическое требование народной революции казалось очень далеким самому Радищеву²⁰. Его "Путешествие" означало конец русского Просвещения только в том смысле, что после появления этой книги Екатерина II уже открыто выступила против прогрессивных мыслителей. Но просветительская идеология (про-

¹⁹ Указ. работа, стр. 16.

²⁰ См.: "...О! если бы рабы тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашу обогрибли нивы свои!... Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие". ("Путешествие", Указ. изд., Гл. "Городня", стр. 141).

"О! горестная участь многих миллионов! Конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих..." (Там же, Гл. "Черная грязь", стр. 152).

светительство) не переставала существовать и распространяться в России даже в XIX веке — сначала в форме просветительства, а потом сливаясь с революционным демократизмом, с идеями народничества, и следы просветительства везде обнаруживаются в литературе XIX века (напр. в идеях альтруизма, самоусовершенствования и т.п.).

2) В вышеназванной статье П.Н. Берков справедливо указывает на то, что в первый и второй периоды русского просветительства / то есть во второй половине XVII и в первой четверти XVIII века / в литературе господствующего стиля нет, т.е. просветительские идеи передаются не единственным литературным стилем, а комплексом стилей. То же самое касается и литературно-стилистического выражения четвертого периода, эпохи русского Просвещения (60–80 гг.). А третьему периоду (30–50 гг. XVIII века) — как считает Берков — соответствует классицизм, поэтому литературу предыдущих периодов просветительства Берков предлагает назвать суммарно "предклассицизмом", а литературу последнего периода — "постклассицизмом".

Литературные факты (напр., элементы Ренессанса и барокко в одах Ломоносова) свидетельствуют, однако, о том, что в русской литературе 30–50 гг. XVIII века классицизм является не единственным стилем ²¹. А применение терминов "предклассицизм" и "постклассицизм" невольно приписывает классицизму центральное значение в русской литературе XVIII века, что приводит к новому упрощению проблем данной эпохи. Позднее, чтобы избежать терминологической путаницы и освободить литературоведение от традиционных "измов", которые мешают изучать факты и процессы развития национальной литературы во всей их сложности, сам П.Н. Берков предлагает "лечение радикальное, хирургическое": отказаться от понятия "русский классицизм XVIII века" ²².

²¹ Tétényi Mária, A XVIII. század orosz költészete az új irodalomkutatások tükrében. Filológiai Közlöny, 1974, 3/4, 431–432.

²² П.Н. Берков, Проблемы изучения русского классицизма. "XVIII век", Сб. 6, М.-Л., 1964, стр. 28–29.

Отождествление русской литературы с русским классицизмом противоречит фактам; но полный отказ от термина "русский классицизм XVIII века" кажется нам также крайностью ²³.

В. Кожин в своей статье "О принципах построения истории литературы (методологические заметки)" ²⁴ также отказывается от понятия "русский классицизм" — но по совсем иным причинам, и с другим результатом. По мнению В. Кожина, XVIII век в России — это последний этап средневековья, своего рода подготовка русского Возрождения, расцвет которого Кожин относит к эпохе Пушкина и Гоголя; в русской же литературе XVIII века классицизма и Просвещения не было, ибо до Ренессанса для них реальной почвы в России быть не могло. После Ренессанса, по мнению Кожина, появляются и в России представители Просвещения (Белинский, Герцен, Щедрин, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов и др.), русские сентименталисты (молодой Достоевский, молодой Л. Толстой, молодой Тургенев) и представители романтизма (Жюльев, Достоевский, Глеб Успенский и др.).

В. Кожин ставит своей целью освободить русскую литературу от традиционных схем. Выполняя эту задачу, Кожин создает новые (правда, не обычные!) шаблоны. Кожин пользуется теми же традиционными категориями, против которых сам выступает. Не обращая внимания на истинный ход развития русского общества и русской литературы, Кожин исходит из западноевропейского опыта: так как в Западной Европе Возрождение везде занимало целую эпоху, это не могло быть иначе и в России. (Но в его аналогиях нет достаточной последовательности, ибо после Ренессанса в развитии русской литературы он не обнаруживает ни барокко, ни классицизма!).

Концепция В. Кожина, хотя она и называется неприемлемой ²⁵,

²³ См., Szóke György. — T. Halász Mária, Ук. статья, Itk, 1969, 2/3, 345.

²⁴ Сб. "Контекст. 1972", Литературно-теоретические исследования, М., 1973.

²⁵ См. "Дискуссию о принципах построения курса русской литературы", "Вопросы литературы", 1974, № 8.

имеет огромное значение в том смысле, что она в резкой форме обращает наше внимание на сложность комплекса вопросов о своеобразном характере русской литературы XVIII века. Правда, в России XVIII века не было движения "третьего сословия", отсутствием которого объясняет В. Кожин свой тезис об отсутствии реальной почвы для возникновения русского просветительства, но сознательного "третьего сословия" не было в России и в XIX веке. Несмотря на это, именно вследствие известного "прорубления окна" на Запад, уже с конца XVII века всеми мыслящими людьми, среди которых, конечно, численно преобладали дворяне, резко ощущалась крепостническая отсталость России. Это явилось главной предпосылкой для возникновения русского просветительства²⁶ для усвоения и распространения просветительских идей, среди которых центральное место занимала идея естественного равенства людей, вера в возможность и силу воспитания разума и сердца подданных и самого монарха. Для передачи, для художественного выражения этих мыслей не пригоден сам по себе ни один из перечисленных выше литературных стилей. Поэтому ни создание абстрактных схем "русский классицизм", "русский сентиментализм" и "русский просветительский реализм", ни полный отказ от них не приводит к прояснению понятий. Элементы различных литературных стилей вместе, в неразрывной связи друг с другом, выступают как художественные носители просветительской идеологии, определяющей характер русской литературы XVIII века.

²⁶ См., Е. Купреянова, И. Серман, В каком веке жил Державин? "Вопросы литературы", 1974, № 8, стр. 210.